

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ УСТНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В КРУГУ ЯВЛЕНИЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

О. А. ЛАПТЕВА

Понятие устно-разговорной русской речи нуждается в подробном рассмотрении как со стороны своего реального языкового состава, так и в плане выяснения его соотношения с другими явлениями, входящими в состав сложного и неоднородного комплекса, именуемого литературным языком. Термин «разговорная речь» обычно объединяет ряд весьма различных по своим генетическим, функциональным и экспрессивно-стилистическим признакам явлений, и соответственно в практике обучения «разговорной речи» преподаватель сталкивается со смешением языковых категорий самых различных планов.

До самого недавнего времени разговорная русская речь изучалась преимущественно по письменным источникам, причем разговорными явлениями считались те, которые оказывались в составе диалога. В качестве материала использовались и художественная проза, и драматургические произведения. Авторы, обращающиеся к этим источникам, в явной или неявной форме исходят из предпосылки: диалогическая речь во всех формах ее проявления и фиксации совпадает с разговорной речью. Однако в действительности это соотношение оказывается значительно сложнее и не сводится к простому тождеству. Прежде всего, разговорная речь может носить и монологический характер, причем форма монолога проявляется весьма широко — от публичного выступления (или лекции, доклада) до интимного повествования рассказчика; встречающееся в научной литературе утверждение, что монологическая речь возможна только при определенном уровне образования и культуры говоряще-

го, не соответствует фактам: появление монолога в принципе возможно у любого говорящего на данном языке, в том числе и у носителя территориального диалекта. С другой стороны, не всякая диалогическая речь совпадает с разговорной. Так, в целях сценической стилизации разговорная диалогическая речь в драматургии неизбежно препарируется, подчиняясь законам декламации, сценического произношения и т. д. Сценическая разговорная речь — это не «документальное», но художественное воспроизведение живой разговорной речи. Подобное видоизменение наблюдается также и в художественной прозе и иных записях разговорной речи, выполненных в различных целях (например, в языке газеты и даже в дневниковых записях); оно связано не только с сознательной обработкой живого разговорного материала художником слова, но зачастую с принципиальной невозможностью передать графическими средствами, в частности средствами пунктуации, все особенности непосредственного устного высказывания.

Разговорная речь является основой разговорного типа письменно-литературного языка (в отличие от книжного типа), однако между этими двумя явлениями также нет полного тождества. Так называемые разговорные явления, присущие разговорному типу письменно-литературного языка, проникают в него из устно-разговорной речи или возникают в его пределах под воздействием устно-разговорной речи. При этом они могут образовывать структурные модели с весьма богатой синонимической и лексико-семантической вариативностью, не свойственной обычно их исходной живой устно-разговорной базе, где возможности

лексического наполнения структурной модели, как правило, более автоматизированы и тем самым менее разнообразны, чем в письменно-литературном аналоге этой базы. Акад. В. В. Виноградов приводит весьма интересный материал из фамильярно-разговорного пласта письменно-литературной художественной речи XIX века, где существуют «длинные» ряды фразеологизированных построений определенного грамматического состава типа *хоть волком вой, хоть веревки вей, хоть водой разливай, хоть топор повесь, хоть ложись и помирай, хоть кол на голове теши, хоть за деньги показывай, хоть брось* и т. п. или *богат как черт, красен как кумач, красен как рак, красен как кровь, глуп как курица, бледен как полотно, бледен как смерть, мягкий как воск, влюблена как кошка, пьян как сапожник, гол как сокол*. Как показывают предварительные наблюдения, в живой устно-разговорной речи широкого узуса реальный лексический состав подобных фразеологизмов определенного грамматического строения значительно беднее, а образуемые на их основе ряды «короче».

В литературно-художественных произведениях писатель нередко в целях создания эффекта достоверности речи персонажа привлекает живые устно-разговорные конструкции, однако ввести весь комплекс средств, свойственных устно-разговорной речи, при этом невозможно, их пропорция в речи не соблюдается, и употребление отдельной конструкции неизбежно приобретает нарочито-стилизированный характер. Так, в диалоге персонажей в рассказе В. Войновича «Два товарища» («Новый мир», 1967, № 1) очень широко используется конструкция с двумя глаголами при отсутствующем соединительном союзе (первый глагол обычно глагол движения или состояния) типа *лежал читал, пойдём поговорим, давай говори, сидят ждут* и т. д. при довольно слабой репрезентации других устно-разговорных конструкций. В новом переводе романа Л. Фейхтвангера «Настанет день» (пер. В. Станевич и С. Маркиша) чрезвычайно широко используется другая устно-разговорная конструкция (опять-таки лишь одна), а именно: организация фразы по принципу чередования ударных и безударных звеньев, сравните: *не мало принес страданий, удачная будет статуя, неплохое было время, уж такая у нее натура, мало в нем сохранилось сходства, и какое началось ликование, очень было сладко, величественное, верно, было зрелище* и т. д.; ис-

пользование этого ведущего принципа организации устно-разговорной фразы, видимо, вызвано стремлением передать особый синтаксис речи персонажей Л. Фейхтвангера.

Из сказанного ясно, что термины «устный» и «разговорный» — отнюдь не синонимы: первое понятие может включать в свой состав и книжные элементы, второе существует и в устной, и в письменной форме. Вот почему для обозначения того круга явлений, который будет охарактеризован ниже, мы избираем двойной термин — «устно-разговорный».

Нам осталось рассмотреть последнее по порядку (но не по значимости!) соотношение, в которое входит разговорная речь, а именно: рассмотреть ее место в системе функциональных стилей. Разумеется, сделать это сколько-нибудь исчерпывающе в небольшом по объему сообщении не представляется возможным. Проблема роли разговорной речи в функционально-стилевой дифференциации литературного языка неоднократно (хотя и не слишком оживленно) дискутировалась, начиная с известных трудов акад. Б. Гавранка, который отводил разговорному «слою» литературного языка место равноправного компонента в тричной системе «слоев». Однако специфичность устно-разговорных явлений, не покрываемая понятием функционального стиля, не могла пройти мимо внимания исследователей и побуждала некоторых из них (Т. Г. Винокур, В. Г. Костомаров) усомниться в функционально-стилевой природе разговорной речи. В то же время внимательное рассмотрение различных и разнородных свойств разговорной речи в их соотношении со свойствами других явлений, функционально-стилевая природа которых не вызывает сомнений (такое рассмотрение в разных аспектах и с разными целями отчасти осуществлено чехословацкими лингвистами, наиболее синтезированно М. Елинком), позволяет, хотя и с рядом оговорок, вести речь о разговорном стиле как специфическом явлении литературного языка. Решение этого вопроса не должно излишне усложняться ссылками на специфику разговорной речи (в частности, на устно-диалогическую форму ее преимущественного проявления, так как своей спецификой в той или иной мере обладает каждый функциональный стиль языка, и в этом смысле функциональные стили не лежат в одной плоскости); оно, на наш взгляд, прежде всего упирается в поиски особой системы средств выражения, которая позволяет разговорной речи функцио-

нирывать в качестве определенной подсистемы в кругу других подсистем литературного языка¹.

Кратко охарактеризованные здесь соотношения, в которые входят явления разговорной речи, не оставались неизменными в ходе исторического развития литературных языков, в частности русского.

На первых этапах существования многих литературных языков понятия письменного и литературного языков совпадали. Так обстояло дело при формировании славянских литературных языков, основное назначение которых состояло в обслуживании довольно ограниченных общественных потребностей, относящихся в первую очередь к области культа, делопроизводства и хроникальной фиксации событий. Условия устного общения, по-видимому, не предполагали в этот период сколько-нибудь строгой кодификации норм, которая на первых порах существования литературного языка была не столько фактом развития общенациональной формы национального языка, сколько естественным результатом существования койне и развития данного территориального диалекта. Устная форма литературного языка формируется значительно позднее. Обычно она представляет собой результат взаимодействия языковых особенностей диалекта, к которому принадлежит данный культурный центр, со специфически книжными чертами литературно-письменного языка, уже имеющего к этому времени сравнительно давнюю традицию. С самого же начала своего возникновения устная форма литературного языка, видимо, обнаруживала заметную дифференциацию в зависимости от сферы и задач своего функционирования, весьма близко подходя к соответствующей диалектной среде в случае «сниженного» бытового разговора и сближаясь с книжными формами в условиях, например, официального общения. Именно на этой ее особенности и были основаны требования средневекового этикета.

С течением времени устная форма национального литературного языка обнаруживает стремление отойти от этих двух своих источников, формируясь как самостоятельная речевая система, обладающая своим набором средств выражения. В этом

отношении устная форма литературного языка следует общей тенденции развития литературного языка. Как известно, чем более развитым является литературный язык, тем четче его стиливая дифференциация. В ходе общего развития литературного языка его устная форма стремится стать одним из стилей, приобретает набор собственных стиливых признаков, в первую очередь строгую нормативность, обязательность использования данного стиля в соответствующих условиях общения.

Как показывают факты древних письменных текстов, в истории русского литературного языка не было условий для формирования такой области общенационального языка, в которой обнаруживались бы резкие отличия от складывавшегося общенационального литературного языка. Однако наблюдающаяся со второй половины XIX века и продолжающаяся усиленно развиваться современная стиливая дифференциация русского литературно-письменного языка создала необходимую обстановку для формирования (в соответствии с общей тенденцией развития современных литературных языков) разновидностей общенационального языка, характеризующейся системой языковых средств, многие из которых выходят за пределы литературной кодификации. Эта разновидность, видимо, сравнительно недавно начала формироваться на основе строго не нормированной устно-разговорной речи — «устной формы литературного языка» (В. В. Виноградов) и обнаруживает в наши дни явно выраженную тенденцию стать особым стилем литературного языка — войти в систему составляющих его стилей и вступить с ними в отношения подчинения и взаимоисключаемости.

Переходя непосредственно к характеристике устно-разговорной разновидности русского литературного языка на современном этапе его развития (термин «устно-разговорная разновидность русского литературного языка» вводится для обозначения некоторого реальною круга языковых явлений, выступающих в широко понимаемой повседневной речевой практике носителей современного русского литературного языка), следует прежде всего попытаться представить себе ту конкретную область, которую эта разновидность литературного языка занимает среди других его разновидностей.

Если устную и письменную формы существования литературного языка изобразить в виде двух параллельных плоскостей, до-

¹ Проблемам социальной и функциональной дифференциации литературного языка была посвящена специальная конференция, проходившая в Москве с 20 по 22 июня 1967 г. (см.: «Проблема нормы и социальная дифференциация языка. Тезисы докладов», М., 1967).

пускающих взаимное проецирование, то в плоскости письменной формы будут представлены его основные функциональные стили (и «беспорные» — деловой, публицистический, научный, и «спорные» — художественно-беллетристический, разговорный; здесь мы, естественно, вынуждены отвлечься от вопроса о неплоскостном, иерархически сложном характере соотношений в системе стилей), а также возможные проекции некоторых сфер устной формы в письменную (например, письменная фиксация устно-разговорных явлений). В плоскости же устной формы окажутся проекции функциональных стилей (если допустить возможность простого устного воспроизведения текста, относящегося к данному функциональному стилю); при этом проекция письменного разговорного стиля покрывает лишь незначительную часть устно-разговорных явлений, которые выходят за пределы прямой соотносительности плоскостей и составляют основную сферу явлений плоскости устной формы. Таким образом, полная соотносительность плоскостей наблюдается лишь в случаях возможной репродукции текста одной плоскости средствами другой; полнота соотносительности резко нарушается, если рассматривать жанрово-стилевые явления в аспекте преимущественной формы их существования.

Сфера повседневного речевого общения носителей литературного языка характеризуется явлениями устно-разговорной разновидности литературного языка, которые в зависимости от задач и условий общения обнаруживают жанрово-«микростилевые» градации. Так, представляется возможным внутри явлений повседневного разговорной речи выделить круг явлений обиходной разговорной речи, обслуживающих область наиболее частых и стереотипных речевых ситуаций, а также определенные более частные сферы, наличие которых в речи зависит от возникновения и повторяемости соответствующих ситуаций (например, для устно-разговорной разновидности в целом характерна экспансия именительного падежа за счет косвенных, в частности винительного прямого объекта, и на этом фоне выделяются как принадлежащие какой-то более мелкой речевой системе построения типа *подай рубль пятьдесят голубое*, появляющиеся в речи в условиях резкого обострения ситуативной повторяемости — в данном случае это реплика за прилавком — и вне этих условий носителем литературного языка не воспринимаемые).

Устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка, с течением времени приобретающей все большее число признаков категории стиля, присущ некоторый набор специфических средств выражения. Если обратиться к характерным для нее явлениям синтаксиса, то можно отметить весьма любопытный с точки зрения становления категории стиля процесс формирования целого ряда типизированных структур, возникающих на базе явлений, свойственных устной форме речи в целом.

Такие известные свойства устной речи, как: 1) высокая степень автоматизации, отсутствие предварительного обдумывания, неподготовленность; 2) высокая степень ситуативной обусловленности; 3) линейный характер формирования, связанный с протеканием устного высказывания во времени, — присущи ей по самой ее природе. Они обуславливают наличие некоторых сходных явлений в устной речи даже неблизкородственных языков и определяют такие ее неперменные признаки, как насыщенность клише, высокую степень предсказуемости следующего отрезка, эллиптичность, отказ от информативной избыточности, синтагматическую расчлененность и пр. Эти и подобные признаки устной речи устанавливаются исследователями и в славянских, и в романо-германских языках нашего времени, их в той или иной степени можно обнаружить и в записях диалектных (всегда устных) текстов, и в некоторых близких к устной речи записях прошедших эпох. Они обеспечивают возможность появления в речи отрезков окказионального характера с ненормированной, неопределенной структурой (сравните: *что касается групповщины вот говорят что какая-то группа только*).

Однако с точки зрения стилевых свойств устно-разговорной речи представляют интерес не подобные построения, в принципе возможные в любом национальном языке, а складывающиеся на их базе типизированные структуры, специфицированные в каждом языке и обладающие высокой степенью обязательности употребления в известных речевых условиях. Эти типизированные структуры обнаруживают ведущие свойства письменного-литературных кодифицированных синтаксических структур, а именно: типизированное значение категориального характера, строго определенные и структурно ограниченные условия и сферы употребления. Их описание допускает различные

подходы — как внутрисистемный, так и сопоставительный, предполагающий поиски и параллельное описание межстилевых синонимических пар.

В заключение перечислим некоторые типизированные устно-разговорные синтаксические структуры современного русского литературного языка (из области строения предложения), отдавая себе при этом отчет как в совершенной условности выбранной терминологии, так и в необходимости специального описания каждой из этих структур. Это — конструкции с именительным темой (типа *А которое в бутылках, оно сегодняшнее?* и другие многочисленные модификации), конструкции, возникающие в результате экспансии именительного падежа в области косвенных (типа *Вы выходите Трифоновская?* и другие модификации), конструкции добавления (типа *Они все такие иголки*), особые структуры в сфере сложного предложения (в частности, бес-

союзные типа *Где карандаш, тут лежал?*; *Он спал, ты пришел* и др.), особые типы соединений (типа *А мы сядем в машину столько народу?*; *Есть некоторые мне очень нравились вещи* и др.), конструкции обращения (типа *На задней площадке, передавайте за проезд*; *Кому Рижский вокзал, выходите сейчас* и др.), конструкции наложения двух структур (типа *Наткнулись на лагерь для ребят строился*), явления смещения границы вопросительной фразы (типа *Видали сегодня месяц, нет? днем*; *Карточка там? моя* и др.), конструкции, возникающие по принципу строения фразы путем чередования ударных и безударных отрезков (типа *Такая у нас отличная была формула*; *Страшный там, кажется, ветер* и т. п.), некоторые специфические явления словорасположения (в частности, постпозиция согласованного одиночного определения типа *Галка! Пару розеток белых купи*) и некоторые другие.

советуем познакомиться!

Вышел в свет «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова. Этот новый тип толкового словаря содержит свыше 4000 фразеологизмов, взятых из произведений классической и современной русской литературы.

Читатель найдет в словаре обстоятельное толкование значений фразеологизмов, примеры их употребления, их синонимы и антонимы, а в ряде случаев и краткие исторические справки о происхождении того или иного устойчивого выражения.

Особое внимание уделяется новой фразеологии, взятой из произведений советских писателей, в частности из произведений последних лет.

Вот несколько иллюстраций из словаря:

Кормить завтраками. Неоднократно обещать сделать что-либо на другой день или в ближайшем

Фразеологический словарь русского языка. Составили Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. М., изд-во „Советская энциклопедия“, 1967

будущем и не выполнять обещаний. — *Завтра я заеду перед обедом, — торопливо выговорил он, надевая шинель. — Завтра, завтра... Смотри, Антоша! Завтраками кормить тебе не пристало.* Боборыкин «Перевал».

Кусать (себе) локти. Досадовать, сожалеть о непоправимом, улушенном, утерянном. *Я пришел сюда, потому что я готов локти себе кусать, потому что отчаяние меня грызет, досада, ревность.* Тургенев «Накануне». — *Вот помни: заведет он вас. Будете локти кусать, да поздно.* Серафимович «Железный поток». *Оля Нечаева локти себе будет кусать от раскаяния, что отвергла глубокое чувство такого серьезного,*

скромного и, главное, бесстрашного человека, как Петя. Катаев «За власть Советов».

Ноль без палочки. Прост. Ничего не стоящий, не значащий человек. — *Мы без казаков, конечно, ноль без палочки, — вздохнул Долгов.* Шолохов «Тихий Дон». — *Ты что-то говорил об уважении ко мне. Неужели не разглядел при всем своем уважении, что я без инженеров и коллектива — ноль без палочки.* Ажаев «Далеко от Москвы». — *Знаешь, Светланочка, он до того веселый, что весь дом отдыха его обожает, а затейник наш — просто ноль без палочки перед ним, даже злится из-за этого на Васю.* Режемчук «Время летних отпусков».